

ЯНА РОЗА

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

В ОДНОМ ШАГЕ
ОТ ЛЮБВИ

Яна Роза

В одном шаге от любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67620950

SelfPub; 2022

Аннотация

Хороших воспоминаний о старшей школе у Кати не было – чертов Стас портил ей кровь с завидной регулярностью. И вот теперь, когда она забыла его, как страшный сон, он вновь появляется в её жизни. Характер, впрочем у него не поменялся, привычки превращать Катину жизнь в ад – тоже. Но вот почему он зовет её своей женой?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 4	39
Глава 5	50
Глава 6	59
Глава 7	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Яна Роза

В одном шаге от любви

Глава 1

Катя боялась его.

Особенно когда Стас подходил сзади. Клал тяжёлые ладони на плечи, и её как будто к земле приколачивало.

Запах его парфюма стойко вызывал в ней рвотный рефлекс.

– Сегодня будет весело, – говорил он вкрадчивым голосом, и у Кати леденело всё внутри. – Сама пойдешь или тащить придется?

У Кати было всего несколько мгновений, чтобы улизнуть. Выкрутиться и броситься к дверям школьного коридора. Она попыталась это сделать, но Стас придавил её, сжал плечи так, что болезненная волна дрожи сковала тело. Тем не менее она пыталась, отчаянно пыталась и не могла. Трещала по швам школьная форма, отлетали пуговицы, растрепались волосы, но вырваться из захвата Стаса Лютного было невозможно.

Фамилию он свою оправдывал. По крайней мере, с ней. За что и почему – никогда не говорил.

Он дотащил её до пустого класса физики. Втолкнул в ка-

бинет, где уже сидели его друзья: Жека, лысый Вадя и самый мелкорослый в этой компании Киря. Хулиганы и балбесы, хвастающиеся тем, что состоят на учете в ментовке.

– Ну что, опять? – заметил Вадя. Обычно он был самым отстранённым, курил и лениво жевал жвачку, иногда снимал на телефон её трепыхания. – Слушай, Стас, а ты часом не втюрился в эту рыжую?

Стас больно толкнул её в спину. Рыпаться к дверям сейчас было невозможно. Катя вцепилась в свой рюкзак, как в щит.

– Втюрился? – усмехнулся Стас. – С любимыми надо по-другому.

– Как это? – поинтересовался Жека. Он любил бить. Хлестал по рукам, по лицу, не жалея сил.

Стас усмехнулся, гадко так и паршиво. Потом резко перехватил Катю и провёл языком по щеке.

– Их нужно жарить, – рыкнул он ей в ухо.

Катя судорожно подскочила на кровати. Липкий сон всё ещё не отпускал и держал в тисках бешено бьющееся сердце. Она посмотрела на часы: половина четвертого. Хреново. Рухнула на подушку, тяжело дыша, и её вновь передернуло.

– Это всё в прошлом, – повторила она в темноту.

Она давно отпустила его и двигалась дальше.

Но всё равно спать уже не смогла.

На работу нужно было вставать через два с половиной часа. Так что оставшееся время Катя потратила на чтение первой попавшейся в сетях книги о душе.

Бесцельно полистав одну электронную страницу за другой, она поднялась по будильнику.

Рабочую униформу она приготовила ещё вчера вечером, поэтому собрала в сумку перекусить и вышла на едва освещаемую улицу.

Кате нравилось дежурить в больнице в выходные. Пациенты в их терапевтическом отделении в большинстве случаев отпрашивались домой, оставались только лежачие и иногородние, палаты становились полупустые. Обстановка была тихой и спокойной, да и врачи не донимали.

В маршрутке тоже никто не лип и не пытался прижаться, чего Катя категорически не переносила.

Отдежурившая смена в эти дни уходила домой лениво. Были девчонки, но в основном студентки, убегали ещё до восьми, а те, кто работал постоянно, оставались – пили чай и делились новостями и слухами по больнице.

Катя приходила как раз к такому чаепитию.

Леонида Григорьевна, старшая медсестра их отделения, очень любила посплетничать о любовных связях и в очередной раз перемывала кости врачу из хирургии, который каждое дежурство спит с молоденькой санитаркой, а у самого дома двое детей, младший инвалид.

Пока передевалась, Катя успела невзлюбить этого врача,

хотя при встрече он не казался ей таким уж плохим. Всегда здоровался и улыбался. Потом решила, ну подумаешь, любвеобильный, так это и не их дело. Жена с ним сама разберётся.

– А вы слышали о вчерашней аварии? – её напарница Вика начала искать в телефоне видео. – Парень с девушкой разбились, жених и невеста. Только поженились и – бац! Девушка-то наглушняк, а парень живой, словно в рубашке родился, даже ничего не сломал. Все говорят, что повезло ему, а я вот не уверена. – Она продемонстрировала выложенные кадры.

Катя, завязывая длинные волосы в косу, тоже глянула через плечо Вики. Зрелище было не из приятных – дорогую тачку покорежило всмятку. Хорошо, что труп девушки не показывали, только кровь на асфальте, битое стекло с осколками пластика и отлетевший бампер.

– Парня в нашу больницу привезли, я слышала, папаша, какой-то там прокурор, договорился, испугался, что у него могут быть серьезные внутренние повреждения.

Катя вздохнула. Не завидовала она девчонкам из реанимации, у них и так полно работы, так теперь ещё и за папенькиным богатым отпрыском бегать и каждую его какашку на анализы сдавать.

– Ладно, Вик, пошли работать, – махнула рукой Катя, – там уже завтрак принесли.

Дежурство в выходные дни всегда обходилось без пяти-

минутки у начальства, которое Катя не слишком-то и любила. Так что можно было сразу приступать к работе.

Она позвала пациентов на завтрак, отметила, сколько лежачих в палатах, тех, кто может есть сам, и тех, кому нужна помощь. Благо последних не было. А из лежачих было всего две старушки.

– Ты чего такая невыспавшаяся? – подтрунивала Вика, когда Катя накладывала еду в тарелки.

– Не спалось, – кисло улыбнулась Катя.

– Мужика тебе надо, мужика! Тебе уже двадцать четыре, а всё ещё как монашка, – вновь поучительно заметила напарница, за плечами которой были два брака и все болезни, по ее мнению, возникали от недотраха.

– Как появится, сообщу тебе первой, – шуточно пообещала Катя.

– Ох, Катька, ведь всё же у тебя есть: и внешность, и фигура, и волосы, такие, как в сказках, – медные. Так чего жмешься-то, никому не даешь. Или красоту такую никто не удержит?

Катя не ответила.

Она училась и было как-то не до этого. Конечно, парни, которые за ней ухаживали, были, но все не по душе ей. А заставлять себя только для того, чтобы «как у всех было», она не хотела.

– Ты у нас, наверное, ещё и девственница? – не скромничала Вика.

– Вот станешь моим гинекологом, узнаешь, – парировала Катя, беря поднос с тарелками.

Вообще, отделение у них хорошее, дружное, да и пациенты неплохие.

После завтрака они сделали все назначения, что оставил дежурный врач, а потом и обед незаметно подкрался, а за ним сон-час наступил.

И когда они с Викторией хотели благополучно отдохнуть, началось непонятное движение.

– Девочки! – раздался не самый приятный зов дежурного врача.

Валентина Григорьевна скверная бабулька, поэтому Вика отказалась идти и говорить с ней, высунула голову из сестринской, глядя, как Катя «принимает удар на себя».

– У нас платная палата свободна есть? – с ходу начала Валентина Григорьевна, отрывая взгляд от заваленного историями болести стола.

– Да, – кивнула Катя, – все четыре палаты свободны.

– А та, в которой душевая, микроволновка, телевизор?

– И она тоже.

– Я про ту, в которой никто не спал, не мылся?

Катя поняла, что имеет в виду доктор. Иногда дежурившие девчонки там спали, или мылись, и частенько за собой не убирали.

– Я всё проверю, – заверила Катя, предполагая, что, возможно, приведут какого-нибудь блатного «прокапаться».

Вика высунулась из-за дверей, тихо спрашивая, в чем дело, Катя только махнула рукой, открывая платную палату. Вроде всё было чисто, мусора не было, кровать заправлена.

– Так что ты рукой машешь? – зашипела Вика за её спиной.

– Да блатного приведут, откапывать, наверное.

Вика скривилась.

– Ох, я их ненавижу. Представляешь, прошлый этот, от Кузьмы Петровича, я ему иголку без перчаток убирала, а он мне, только когда уходить собрался, шепнул на ухо, что у него гепатит.

Катя понимающе улыбнулась. Да, бывали осечки, но что поделаешь. Закрыв палату, она доложила дежурному врачу, что всё в порядке. Та сразу стала кому-то вызванивать.

Собственно, блатные, если кому-то деньги и платили, то только не им, хотя некоторые, выражая благодарность, оставляли коробку конфет. Поэтому они с Викторией даже на руках разыграли, кто будет подключать и чья эта будет палата. Выпало на долю Кати.

Не в восторге от открывающихся перспектив, она всё же принялась за работу.

Но блатной явно не торопился. Так прошёл ужин, когда они с Викторией отработали и даже посчитали, что, похоже, всё накрылось.

Дежурство шло очень спокойно, и это только радовало, не хотелось ничего сглазить.

Но всё началось в тот момент, когда они сами решили попить чай. В двери сестринской заглянул врач из реанимации.

– Привет, сестрички, принимайте мальчика.

Катя с Викторией переглянулись. Вроде Валентина Григорьевна ничего про такое не говорила.

В коридоре уже стояла каталка, а нетерпеливый врач отстукивал костлявыми пальцами по деревянному косяку дверей.

– Рамиль, зайди ко мне, – раздался голос Валентины Григорьевны. – Девочки, больного в платную палату, пожалуйста.

Катя мысленно чертыхнулась. Уж лучше бы блатной какой-нибудь был. Вика ободряюще махнула ей рукой, а сама включила телевизор, полностью о ней забывая. Надев колпачок, перчатки и маску, Катя показала санитарам палату, куда те закатили смиренно лежащего пациента.

Белая простыня накрывала его плечи, но она всё равно видела замысловатые узоры татуировок. Вот уж мода пошла, но Кате было всё равно.

Парни переложили пациента на кровать.

– Что с ним? – удивилась Катя его полной неподвижности. – Он точно спит, а не умер?

– Ему вкололи такую порцию седативки, что он очухается только завтра.

Хорошо, что под маской парни не видели, как её рот недо-

вольно скривился. Не любила Катя этих седативщиков.

А когда вдруг парни с пациента простыню содрали, мол, она их отделению принадлежит, Катя невольно охнула. Мужчина явно увлекался спортом и здоровым питанием, а татуировка была только одна и заканчивалась в области сердца непонятной извилистой загогулиной. Всё тело было в ранах и гематомах. Катя быстро накинула на него одеяло, выдохнув.

– А мочевой катетер что, не поставили?

– Когда очнётся, он тебе расскажет почему, – усмехнулся один из санитаров.

В этот момент в палату зашёл доктор, тот самый Рамиль. Он осмотрел новое место пребывания своего пациента и махнул ребятам на выход, а Катю доверительно приобнял и тихо шепнул, доставая из кармана шприц.

– Здесь снотворное, – заверил он, – часиков в три вколи ему в вену. Ну, сама понимаешь, сон лечит и лучше адаптирует организм, и я тебя умоляю, сестричка, максимально обеспечь ему комфорт. Максимально. Иначе дяди там, наверху, нас с тобой без вазелина... ну ты понимаешь. Валентине Григорьевне я всё рассказал, она сейчас в карту внесет, так что не переживай, не отравя это.

Катя сглотнула, но шприц взяла. Не любила она такое. Но это начальство, против него не попрёшь.

Когда все ушли, Кате стало внезапно страшно. Мужчина ровно дышал.

Катя повернула его голову набок, не дай бог ещё срыгнёт и захлебнётся. Его лицо было в мелких порезах, но ей он кого-то смутно напоминал. Волосы, черные, спутаны и сбриты у висков, щетина явно должна была стать модной бородой.

– Ва-а, какой красавчик, – охнула Вика, неожиданно появившись в палате.

Катя тут же отвела взгляд и отвернулась.

– В следующий раз я на смене, – захихикала напарница.

Глава 2

Валентина Григорьевна долго не отдавала медкарту поступившего больного, так что Катя успела сделать все вечерние назначения и даже поработать с историями болезни. Новый пациент спал, только так тихо, что Кате порой становилось страшно, когда она заходила в палату. Прислоняла палец к его носу и облегченно выдыхала, когда ощущала теплоту дыхания.

Этим реаниматологам только бы от тела избавиться, лишь бы не у них и не в их смену помер.

Перед самым сном они с Викой заполнили все журналы, проверили пациентов и сами сели в сестринской.

– Спать-то как хочется, – зевнула Вика, – мы завтра с Колей и детьми поедem к бабушке в деревню, в баньке попаримся и, может, сексом там займемся.

Она захохотала, видя усталый взгляд Кати.

– Да брось, это дело естественное, между мужем и женой тем более.

– Мне абсолютно неинтересно, чем вы занимаетесь в своей спальне и в других местах.

– Потому что ты, сто пудов, ещё девственница.

Катя шумно вздохнула.

– Если и так, то что?

Вика поставила локти на стол.

– Есть у меня один знакомый, ему около сорока, холост, айтишник, своя квартира, машина и дом в Сочи. Шикарный мужик, надо брать.

Катя скривилась. Вика ей кого только не сватала, был даже какой-то чеченец с рынка, торгующий дынями, а вот теперь айтишник. Может, если продолжить отказываться, дело и до бизнесмена дойдёт?

– Будет время, обязательно спрошу его номер, – изменив голос, жеманно пропищала Катя.

– Ой, Катька, тебе уже детей своих нянчить надо, а не тут за бабульками лужи подтирать.

– Это работа такая...

– Вот и говорю, с твоей внешностью давно бы себе богатого мужика отхватила и не работала бы. Помнишь, в платной палате лежал Гаврил Семеныч, он же тебе предлагал с ним полежать ночью.

Катю передёрнуло от воспоминания об этом пятидесятилетнем дядьке. Огромный плешивый толстяк с отвисшим брюхом и дебильной улыбкой. Да, деньги у него водились, но на фиг они нужны таким способом. Правда, новенькая медсестра из неблагополучной семьи тогда согласилась, и старик исправно платил ей за каждую ночь. Так что у неё появились деньги, и она уволилась и уехала с ним после выписки.

Они её все дружно уговаривали этого не делать, даже Вика орала на неё матом, ведь любви там точно не было, но всё оказалось бесполезно.

Катя не считала себя бедной. У неё хватало денег на съём квартиры, еду и одежду и оставалось на развлечения. А учитывая замкнутый образ жизни, она умудрялась копить еще и на ипотеку. О муже не думала, о детях тем более. Хотелось уверенности в себе и партнѐре. Но пока у неё так и не было длительных отношений, зашедших дальше первого свидания.

– Что же ты Галю так отговаривала от этого Семеныча?

– Галя – дура, а ты вроде умная, к тому же я тебя больше люблю, чем её.

– Тогда, может, нам завести отношения? – подмигнула Катя.

– Ой, ты ещё больше дурочка, – засмеялась Вика.

Их веселый настрой быстро сбила Валентина Григорьевна, заглянув в комнату и отдавая медкарту.

– Выпиши все назначения и передай девочкам по смене, чтобы были внимательней.

Катя взяла карту и уверенно кивнула.

Кажется, после этого Валентина Григорьевна пошла в другой корпус к своей подружке. Они, когда вместе дежурили, всегда вечером собирались. Если что-то случится, Катя или Вика ей позвонят. Но вроде особенно тяжѐлых и вредных не осталось, исключая новенького...

Вика вдруг вырвала из рук Кати историю болезни.

– Так-так, почитаем. Нашего красавчика зовут Лютный Станислав Сергеевич, он...

Катю будто резко в бок шилом кольнули.

– Что?.. Дай посмотреть.

Сердце бешено заколотилось, где-то словно включился ультразвук, болью ударив по вискам. Она глянула на титульный лист. Действительно Лютный Станислав, двадцать пять лет...

Ноги как свинцовые стали, тянули вниз, и Катя села на стул, чтобы не упасть.

– Эй, ты чего вся побледнела? – забеспокоилась Вика. – Водички?

Кате комок в горле перекрыл дыхание, и она глотала ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег. Что же такое с ней? Она же всё это уже прошла. Она выросла, она...

– Эй! – тряхнула её Вика. – Ты чуть не завалилась.

Катя встрепенулась, чувствуя, как кожа покрылась мурашками, наверняка подскочило и давление, и температура, потому что стало горячо и холодно одновременно.

– Этот... Лютный, мы с ним в школе были не в самых лучших отношениях.

– Да все в школе друг друга ненавидят, – успокаивающе заверила Вика, – я вот своего соседа по парте линейкой по башке била, просто бесил меня.

Катя дрожала.

– Правда?

Вика усмехнулась.

– Честное пионерское.

От слов напарницы стало немного легче.

– И потом, школа – когда это было? – напомнила Вика, закатив глаза. – Я на прошлой встрече выпускников вообще никого из одноклассников не узнала: один лысый, другой как бочка, третий вообще бабой стал. Так что вряд ли этот Лютный тебя узнает. Но если что, ты меня зови, у меня рука тяжёлая, Коля отвечает.

Вика показала кулак, и Катя рассмеялась. Истериически или от шока, но все же стало легче. И правда, чего она? Они уже взрослые, а прошлое... оно давно прошло.

А ещё оказалось, что Лютный – тот самый молодожен, который недавно попал в аварию с новоиспеченной супругой и выжил практически чудом.

Катя подумала, что зря, наверное, но потом постаралась от этих мыслей избавиться. В его палату она теперь боялась зайти. Топталась снаружи в коридоре, потому что необходимо было проверить его состояние, да и наказ доктора выполнить, поставив ещё один укол.

– Всё изменилось, – сама себе говорила она, толкая двери.

Стас просто пациент и теперь ему нужна помощь... а она клятву давала...

В палате Катя оставила включённым свет двух ночников. Он был не таким ярким, как тот, что на потолке, тем не менее всё хорошо освещал.

Лютный спал, не меняя положения, в котором его положили, даже голову держал всё так же на боку. В ушах шумел

ло. Да ладно, когда она не знала, кто это, ведь прикасалась к нему.

Сглотнув, она вновь проверила его дыхание и тут же отёрнула руку. Вроде он спал как убитый, может, и не нужно ставить укол, к тому же Валентина Григорьевна ничего про инъекцию не написала, а значит, случись что-то, – Катя только себя подставит.

Она вылетела из палаты как ошпаренная, прижав ладони к горящим от температуры щекам. Может, ей отпуск взять?

Вернувшись на пост, Катя стала обдумывать эту идею над выпиской направлений, пока головой не коснулась стола.

– Держи её, держи! – кричал Киря с азартом, обгоняя и оттесняя к стенке.

Катя не удержалась на ногах, завалилась.

– Ну что, рыжая, попалась! – прохрипел Стас в ухо, больно ухватив за косу и потянув так, что Кате показалось, ей сейчас её выдерут.

– Отпусти! – пищала она, брыкаясь.

В этот момент в руках Стаса мелькнул нож. В голове билась мысль, что нож ненастоящий. Но преследователь щелкнул раскладным ручником, и лезвие почти коснулось её кожи. Катя вздрогнула, взвизгнув, и застыла.

Стас усмехнулся.

– Боишься? – спросил издевательски, как будто не чувствовал её дрожи.

– Отпусти, – умоляюще пропущала Катя, – я всё равно завтра перевожусь в другую школу, я никому ничего не скажу...

Холодная сталь коснулась щеки.

– А кто тебе разрешил уходить, м? Ты моя любимая игрушка, ты знаешь?

Он хохотнул, а его друзья гоготали, сплевывали слюну, копируя взрослых, топтались. Жека включил телефон.

– Давай, Стас, наказывай.

Катя боялась. Он растерзает её. Убьёт или лицо изранит?

Но Стас потянул её за косу, и Катя ощутила, как лезвие режет волосы. Но она не дёргалась. Всклипывала и дрожала, пока длинная коса густых, ярко-рыжих волос не оказалась отчекрыжена.

– А, она теперь как больная, вишивая!

Её обидчики ржали, показывая на нее пальцами.

Стас намотал косу на кулак.

– Ну, как тебе?

Он покрутил перед её носом.

– Себе оставляю, и чтобы завтра пришла, – приказал. – А не придёшь, я сделаю что-то очень плохое.

Катя подскочила, потому что услышала грохот голоса в ушах. Она сглотнула вязкую слюну, которая наждачкой прошлась по сухому горлу, и задышала. Вот приснится же...

И самое главное, Катя уже не помнила, где реальность была, а где вымысел. Но Стас точно тогда ей отрезал волосы. Она действительно ходила как плешивая, хотя он и так от неё всех друзей отвадил.

В школе Катя была изгоем.

Всё началось в выпускных классах. Катя перевелась в «А» из расформированного «В». До этого она Лютного знала только по слухам. Парень богатых и уважаемых родителей, в школу его привозил личный водитель, была даже собственная охрана. Многие девчонки набивались ему в подружки, и даже болтали, что у него был секс почти со всеми одноклассницами, за исключением прыщавых и жирных. Катя тоже, конечно, хотела, чтобы её заметили и при всем классе подарили цветы, встав на одно колено. Необязательно Стас, просто какой-нибудь парень, который давно и тайно в неё влюблен.

Такая глупая и убогая девчачья мечта. Но с момента, как она перевелась в его класс, начался настоящий террор. Лютный оказался не тем зеленоглазым принцем, о котором все говорили, а скорее жестоким эгоистом, под дудку которого плясали одноклассники. Не то чтобы Катя не влилась в его свиту, она бы это сделала, но, как оказалось, все приличные места в его иерархии были заняты и осталось лишь место игрушки. Катя думала, что если даст отпор, то от неё отвяжутся. Но чем больше она брыкалась и убегала, тем сильнее

раззадоривала аппетиты школьного принца.

Что-то звякнуло. Катя обернулась и посмотрела на закрытую процедурную. Снова раздался глухой удар, заставивший вздрогнуть. Звук доносился из платной палаты.

Ноги практически отказывались двигаться в ту сторону, поэтому Катя себя заставляла. На ходу она надела шапочку и маску – не хотела показывать лицо. Может, бывший обидчик и не узнает, но стоило быть уверенной в этом.

Снова удар.

Она ускорила шаг, а когда открыла двери палаты, увидела царивший там беспорядок.

Лютный проснулся. Стоял посреди комнаты, дезориентированный, совершенно голый, стул и стол были перевернуты, он оглядывался, опирался о стену, будто боялся упасть. Катя замерла на пороге.

– Вам лучше лечь, – она старалась, чтобы голос звучал громко и уверенно, но получилось тихо и пискляво.

Но это привлекло внимание Стаса. Он поднял на неё глаза.

– Подойди сюда, – махнул ей рукой.

Катя и с места не сдвинулась, настолько морозным был у него взгляд.

– Позади вас кровать, сядьте на нее и я подойду.

Немного пошатываясь, Лютный повернул голову, словно убеждаясь в ее словах, и присел. Но Кате все равно с трудом давались шаги. От него шла всё такая же энергетика: давя-

шая, рвущая на кусочки.

Она стала поднимать стулья и стол. Лютный, не отрываясь, следил за ней взглядом, как лев перед прыжком. Нужно было вколоть ему лекарство.

– Ложитесь, – попросила Катя, когда их разделяло пару шагов.

Тот поднял голову, смотрел сквозь неё и вдруг подчинился. Заторможенно повалился на кровать. Катя набрала в легкие воздуха. Вроде всё неплохо. Зверь пока оглушен. Накрыв голое тело одеялом, она достала из кармана жгут, попыталась обвязать им плечо, но на неприятные ощущения Лютный отреагировал резко, подскочив на кровати.

– Какого черта? – прорычал он, одной рукой хватая за голову, словно хотел ухватить ее за волосы, а другой выбивая из ладони шприц.

Катя вскрикнула, рванулась от него, и в кулаке Стаса осталась её шапочка. Он на секунду застыл, и это дало Кате время бежать. Вот только тяжелая поступь и сильный удар дверей прямо перед её носом прервали побег.

Мощные ладони были прижаты к дверям по обе стороны от неё. Катя застыла, как пойманный зверь в капкане. Спиной она ощущала тяжелое, глубокое дыхание Лютного. И будто снова оказалась в своих кошмарах.

– Повернись, – раздался такой глухой и низкий голос, от которого в лёгких завибрировало.

– Отпустите.

Стас развернул сам. Пригвоздил её спиной к дверям, а Катя зажмурилась, чтобы не смотреть в глаза своему страху. Палец скользнул по её переносице, стягивая маску к подбородку.

Узнал?

– Катя... – выдохнул Лютный, прислонясь горячим лбом к её лбу, – а они сказали, что ты умерла.

Глава 3

Катя его даже не слышала. Собрав, наверное, всю силу своего субтильного тела, она толкнула от себя шатающегося Стаса. Тот попятился и, дезориентировавшись, завалился на койку. Он громко чертыхнулся, но у Кати появилось время выскочить из палаты и бежать в сторону сестринской.

Вика в полудреме пялилась в телевизор на скомканных простынях на диване.

– Что случилось? – запаниковала она, когда Катя пулей влетела в комнату.

– Он... он очнулся... там...

Вика поднялась, вышла в коридор, пока Катя металась по сестринской, думая, что она просто дура.

– Пройдите в палату, – услышала она грозный приказ Вики.

– Моя жена... Катя...

– В палату пройдите...

– Руки убрала! Катя! Катя!

Лютный орал на весь коридор так, что другие пациенты

начали просыпаться и выражать недовольство, требуя тишины.

Катя, застыв, стояла посреди комнаты. Это Стас к ней, что ли, обращается? Жена?

– Я сейчас бригаду психов вызову, и они быстро вас уложат.

– Катя! Катя!

Но она не могла сделать и шагу. В какой-то момент коридор наполнился другими голосами, мужчины из палат тоже попытались Стаса утихомирить, но он на всех огрызнулся. Рвался к жене. Потом Катя услышала голоса Валентины Григорьевны и реаниматолога Рамиля.

С глухой возней и громкими матами Лютного всё же успокоили. И Катя не знала, сколько прошло времени, в первобытном страхе кусая губы и ежась от внезапного холода.

Вика появилась значительно позже, хмурилась и вздыхала.

– Похоже, психотерапевта позовут, – сказала она. – А ещё Валентина Григорьевна просит зайти к ней.

Катя кивнула. Собственно, она уже предполагала, что придётся писать объяснительную, по какой причине не оказывала помощь пациенту.

Ноги были ватными, хотя она постоянно напоминала себе, что сейчас ничего плохого не случилось. Все это её страх, который Лютный выработал в ней, как условный рефлекс.

На часах было около четырёх утра. И все к этому времени

устали. Проходя мимо палаты Стаса, Катя заметила несколько санитаров и врача. Лютному что-то вкололи, потому что было тихо.

В сложившейся ситуации разумнее всего было срочно писать заявление на отпуск или хотя бы взять пару дней за свой счет.

В ординаторской сидели Валентина Григорьевна с Рамилем.

– Что же ты, сестричка, ему укол не сделала? – устало вздохнул врач.

– Я как раз собиралась, когда...

– Неважно уже, – отмахнулась Валентина Григорьевна, – у нас тут патология нарисовалась. Ты знакома с Лютным?

Катя поежилась. Говорить о школьных годах не стоило, и она отрицательно качнула головой.

– Так ты видел её? – это дежурный врач обратилась уже к Рамилю.

– Ну, что от неё осталось, видел, такая же рыжая, вроде симпатичная, но точно не одно лицо.

О ком они говорили, Катя не понимала, да и в принципе знать не хотела, учитывая, что дальше в разговоре прозвучали такие слова, как «труп».

– Ты, Катя, у нас в отпуск оправляешься, – вздохнула Валентина Григорьевна.

– Я тоже думаю, что девчонке лучше дома посидеть или волосы перекрасить.

Катя и обрадовалась, и немного расстроилась. Но в принципе это то, чего она и хотела. Две недели – это максимальный срок, на который задержится Лютный в их отделении.

В этот момент в ординаторскую зашёл другой врач, Григорий Павлович, психотерапевт, которого среди ночи вызвали в больницу. Он с кем-то говорил по телефону и только кивнул всем. Катя подумала, что ей пора идти и, дождавшись разрешения, закрыла за собой дверь ординаторской.

Ну, отделалась малой кровью.

– Что там у тебя? – спросила Вика, собирая постельное бельё.

– Ничего, – пожала плечами Катя, – приказали в отпуск уйти.

Вика удивленно распахнула глаза и цокнула.

– Я так поняла, ты на его жену погибшую похожа, и у него, как тебя увидел, в мозгах переклинило. Его двое мужиков сильных пытались уложить на кровать, а он всё орал, Катю звал, даже имя у вас одинаковое. – Вика передёрнуло.

Кате и самой стало не по себе. Всё же быть призраком покойной не к добру, а уж если это касается Стаса Лютного, так считай, что это черная кошка перебежала дорогу с пустым ведром и разбила зеркало.

– Да уж совпадение, – Катя сглотнула, – в любом случае в понедельник схожу в отдел кадров и напишу заявление.

Казалось, в шесть утра в воскресенье в отделении должно

было быть спокойно, но обстановка не утихала. Врачи сменяли друг друга, приходили по очереди все заведующие отделений больницы. Вряд ли какой-нибудь пациент мог похвастаться таким вниманием. Умел Лютный даже тут проявлять свою значимость.

Катя немного успокоилась, и собственная реакция показала ей до ужаса глупой. Стас же не бить её собирался и вдобавок на ногах едва стоял. Но Кате было его не жалко.

Нисколечко. Возможно, он жестоким был не только с ней, а жизнь, говорят, циклична, и то говно, что выпустил, может сделать круг и вернуться в троекратном размере.

Пока Катя выполняла утренние назначения, в отделении появился отец Лютного собственной персоной. Такой высокий, в костюме, молчаливый и суровый, что на вид, что по походке. Он не зашёл в палату сына, а сразу же направился в ординаторскую.

– О, – шепнула Вика, – ну и достанется же нашему отделению.

Катя тоже была в этом уверена. Там, где появляется Лютный, – наступает апокалипсис. Как хорошо, что она в этот раз его избежит.

Новая смена начала приходить, что означало – работа закончена. Только Кате не удалось ни с девчонками пообщаться, ни просто по-тихому свалить домой. Валентина Григорьевна снова позвала её, и от этого мороз пробежался по коже. Отец Лютного, конечно, прокурор, но она ничего не сде-

лала.

И в то же время она шла к начальству, будто в чем-то провинилась.

В кабинете находились и Григорий Павлович, и главный врач больницы, и сам Лютный, который сидел почему-то в кресле заведующим. Взгляд у него был тяжёлый и уставший.

– Это вы Катерина Михайловна? – спросил он так, словно собрался устроить допрос.

Катя кивнула, а отец Лютного окинул её изучающим взглядом и отвернулся.

– Катенька, у вас был в медколледже курс психиатрии? – спросил первым Григорий Павлович.

– Один семестр, – призналась Катя осторожно.

– Давайте вы не будете устраивать экзамены, – в голосе Лютного звучало раздражение. – Вы, Катерина Михайловна, соврали, что не знакомы с моим сыном.

Похоже, он не умел по-другому. Сразу начал с обвинений.

– Наше знакомство я бы предпочла забыть и никогда не вспоминать, поэтому не хочу знать с вашим сыном, – Катя тоже не собиралась молчать.

Все собравшиеся переглянулись.

– Знаете, у Стаса посттравматическое расстройство, вы ассоциируйесь у него с погибшей женой и принимать правду он сейчас не в состоянии. Насколько все серьезно, мы пока не знаем...

– Я уже сказала, что не собираюсь маячить у него перед глазами и ухожу в отпуск.

Катя была с предложением начальства согласна. Лучшее решение.

– Но мы...

– Оставьте нас, – Лютный произнес приказ настолько безапелляционным тоном, что Кате самой хотелось уйти, но ей, как Штирлицу, пришлось остаться.

Она не понимала свою причастность ко всему этому. От Стаса она в прошлом достаточно натерпелась.

Когда ординаторская опустела, в компании с отцом Лютого было так же хреново, как и в компании его сына. Похоже, уметь создавать вокруг себя давящую атмосферу у них в крови.

– Стас у меня единственный сын, – начал вдруг прокурор очень тихо, – и, признаться, его брак мы с женой не одобряли, но вмешиваться не стали. Решили, раз он полюбил, так тому и быть. Я хотел ему всего самого лучшего, и мне он нужен здоровый и живой.

Катя молчала, она стояла, как перед расстрелом.

– А вам, Катя, нужна квартира и спокойная жизнь?

– Что вы имеете в виду?

Катя действительно не понимала, о чем речь. Происходящее напоминало дешёвый сериал по ТВ. Вот только к Стасу она никакого отношения не имела.

– Я хочу, чтобы вы мягко вывели Стаса из его состояния.

– Не понимаю...

– Он видит в вас ту Катю, с которой сочетался браком, поддержите его, но напоминайте, что есть реальность. Он должен вернуться.

– Вы в своём уме? Вы что такое говорите? – Катю затрясло. – Я не собираюсь притворяться покойной девушкой, тем более для Стаса.

– Я не прошу вас быть ему настоящей супругой, – проговорил Лютный по слогам, – на то время, пока он здесь, не отталкивайте его и постоянно напоминайте, где он и что произошло. Пускай ищет в вас различия.

– Вы сумасшедший, – выдохнула Катя. – Я в отпуск уйду, и я...

– Я бы не хотел вам угрожать, – вновь повторил Лютный. Его интонация была спокойной и в то же время к земле гнула.

– Чем угрожать? – Катя нервно хохотнула, чувствуя, как ее загоняют в угол. – У меня ничего нет.

– У каждого человека что-то есть, у вас – это репутация. Вы хорошая, исполнительная медсестра, уверен, вас ценят и приглашают делать уколы частным образом. К нам недавно поступило дело, в нем фигурируют такие же медработники. Они тоже на дом ходили, услуги оказывали, а потом у клиентов возникали проблемы со здоровьем. Четверых арестовали, но я думаю, и пятого можно найти. Как считаете?

Катя чуть не упала. В ногах была жуткая слабость.

– Вы что, хотите меня подставить?

– Нет, ни в коем случае. Я лишь рассказывал вам неприятную историю, которая может случиться с невиновным человеком. Это несправедливо, правда? От сумы и от тюрьмы не зарекайся, как у нас говорят.

Катя и не поняла, как слёзы капнули с ресниц. Она быстро смахнула их рукой, до конца не веря в то, что происходит.

– Послушайте, Катя, Стас ничего вам не сделает...

– А вы знаете своего сына? Знаете, на что он способен? – голос Кати дрожал.

Лютный поднялся. Его седая шевелюра напоминала парик, а на дорогом костюме даже после суматошной ночи не было видно ни одной складки.

– Мой сын... ничего не сделает женщине, которую любит.

Катя сглотнула. Определяющее тут действительно «которую любит». Потому что какая «не любовь» Лютного, она на себе познала.

– Я не хочу, – отказалась Катя, но эти слова для прокурора ничего не значили.

– Давайте не усложнять друг другу жизнь, – устало попросил он. – Как только откроется банк, ваша ипотека будет погашена, а вам взамен потребуется открыть глаза Стасу. Своими разговорами и присутствием вы всколыхнете воспоминания, он невольно начнет сравнивать вас с женой, а когда увидит различия, вернется в реальный мир. Мой сын поправится, я хочу всего лишь этого. Как только он покинет стены

больницы, уверяю, Стас о вас и не вспомнит, и ни он, ни наша семья больше никогда не будут вторгаться в вашу жизнь.

Лютный то ли успокаивал, то ли принуждал в мягкой манере, если это можно было так назвать. Был ли у Кати выбор? У рядовой медсестры против влиятельной шишки? Определенно, нет.

Стас тоже никогда не оставлял ей выбора. Раньше это была роль игрушки, теперь роль погибшей жены. И как его угодило полюбить женщину, которая не только волосами, но даже именем походила на неё?

Катя не знала, как до сестринской дошла. Там девчонки уже её ждали, тут же замучили расспросами, но Катя не могла выдать что-то внятное. Она будто и правда побывала на процессе, где обвиняемой была сама.

– Так что, ты теперь не работаешь? – спросила сменщица Надежда, глядя поверх очков.

– Работаю... – отозвалась Катя.

– Что они его в психушку не положат? Там после приема их таблеток он быстро поправится, – возмущалась Вика, – а мы тут должны дерьмо это разгребать, потому что, видите ли, сыну главного прокурора не пристало в психи записываться. А старушек на пешеходах сбивать и тачки крутые разбивать – это можно.

Катя всхлипнула. Вика участливо приобняла её за плечи.

– Ну ты не кисни, мы тебе поможем, – она посмотрела на

других медсестёр, – если гад будет руки распускать, смело охрану вызывать будем.

Вика обладала таким жизнеутверждающим нравом и слова её всегда были такими простыми, что в это верилось. Катя снова улыбнулась. Ладно, Лютный-старший не в постель же её к сыну укладывал, да она и не ляжет. Никогда.

В этот момент в сестринскую забежала новенькая Даша. Она работала только неделю, не очень хорошо умела ставить уколы, часто что-то пропускала, порой была несобранной и к тому же всегда сонной.

– Я не могу капельницу поставить пациенту в платной палате, – пожаловалась она, – он агрессивный какой-то. К нему по очереди все главные заходят, а он...

Следом за ней в сестринскую зашёл Григорий Павлович.

– Катя, можно тебя?

Все на неё посмотрели. Катя застыла на мгновение, слыша в ушах пульс. Она медленно поднялась. Вика ободряюще сжала ей руку, мол, всё будет хорошо.

– Ты уже в курсе методики лечения? – спросил доктор вкрадчиво в коридоре.

Катя кивнула.

– Не уверен, что Лютный тебе всё правильно объяснил... – он замялся.

– Я должна заставить его сына перестать верить, что я его жена, – процедила Катя.

– Нет, не все так просто. Но ты не можешь говорить кате-

горично нет и убегать от Станислава. Постарайся, чтобы он не нервничал, иначе это спровоцирует новый приступ. Для начала поддержи его за руку, спроси, как его самочувствие, осторожно поинтересуйся, что он помнит о последних событиях.

– Я должна спрашивать его о... личном?

– Не уверен, но со мной он пока не хочет говорить. Думаю, что Стас не помнит дня аварии, поэтому мы должны постараться расшевелить его память.

– Но вы же можете сделать это медикаментами?

– У них много пробочек, его отец не желает давать согласие на подобного рода лечение, – Григорий Павлович уместил пухлые ладони на огромном животе. – Поэтому, Катя, зайди сейчас к Станиславу в палату, успокой. Скажи, что придёшь... когда там у тебя смена? Чтобы он не разнёс всю больницу.

Катя опустила взгляд.

Наверное, началось.

Она медленно побрела выполнять указания. Отец Стаса стоял возле стены рядом с палатой сына, сложа руки на груди. Он посмотрел на неё так, словно напоминал состоявшийся разговор и негласно оглашал ей приговор.

Катя заметила, как дрожат пальцы, когда коснулась ручки двери.

Стас резко поднял голову, и Катя вздрогнула. В его взгляде за секунду промелькнуло отчаяние, злость и радость.

– Катя... – выдохнул он.

Одна рука его была привязана к поручню кровати, и он сидел, спустив голые ноги на пол. Из положительного, ему наконец-то дали одежду. Казалось, синяков стало больше, или это они проявились после аварии?

Катя застыла на пороге, не закрывая дверь.

– Я... – слова застряли в горле, – я... через два дня заступлю на смену и...

– Подойди сюда, – попросил он хрипловатым голосом, – закрой дверь.

Катя сглотнула.

– Не стоит... я устала и хочу пойти домой.

Стас не спускал с неё глаз. Неужели на самом деле видит в ней другую?

– Закрой эту чертову дверь и подойди сюда.

Катя хотела бежать, но вместо этого легонько толкнула дверь, оставляя небольшой зазор, и подошла чуть ближе.

– Ты боишься меня?

«Конечно боюсь» – хотелось сказать Кате.

– Прошу, подойди, сядь сюда, – он указал на место рядом с собой.

– А-а... что ты... Во мне что-нибудь изменилось?

Катя не знала, правильно ли задала вопрос и, вообще, что конкретно нужно спросить и нужно ли делать это сейчас. Из головы всё вылетело.

Стас, не отрывая взгляда, усмехнулся.

– Ну, ты похорошела, в отличие от меня.

У Кати, по ощущениям, сердце в желудок рухнуло и хлопотало там.

– Что...

– Подойди.

Катя снова сделала пару шагов, приближаясь вроде не так уж и близко. Но не успела сообразить, как свободной рукой Стас ухватил её, буквально заваливая на себя, и вот она уже сидела у него на коленях, а он крепко удерживал её за талию.

Катя напрягалась. Стас носом прижался к её шее.

– Что они тебе сказали?

– А... что?.. – Катя сама не знала, отчего теряется, почему ничего не может ему сказать, кроме этого несуразного блевания.

– Не верь им, что бы они тебе ни сказали, не верь.

Катя попыталась подняться, но Стас ещё крепче сжал её талию и заставил поднять голову.

– Верь только мне, слышишь?

Катя, наверное, так близко со Стасом никогда и не была. Чтобы так: лицом к лицу и глаза в глаза. От давления и напряжения перед глазами чуть фейерверк не взорвался.

Что за этим последует, Катя знала, но никогда не думала, что это может случиться между ней и Стасом. Он так резко коснулся её губ своими, что она не успела отвернуться, оставшись в его плену.

Это не было невинным поцелуем, скорее что-то среднее

между жестким и страстным, кусачим и мокрым. Стас буквально смял её губы, узнавая, проверяя, исследуя...

Катя опомнилась за пару секунд, охнула и без каких-либо препятствий оттолкнула его, прыгивая с колен.

– Не смей... больше никогда... – она задыхалась, хватая ртом воздух, с трудом удерживая равновесие.

Стас вначале удивился, потом провел кончиком языка по кромке верхних зубов.

– Не дождусь твоей смены, приходи завтра, – прохрипел он.

Приказывал, как всегда.

Глава 4

– Сиди смирно, – шепнул Стас в ухо.

Катя и без приказа пошевелиться не могла. Его руки крепко удерживают её запястья, спина прижимается к его груди, а ягодницы касаются паха.

Там твёрдо и горячо. Он дышит ей в затылок таким же обжигающим дыханием, только у Кати всё леденеет внутри.

Стас вдруг отпускает её, ведёт ладонью по внутренней стороне бедра, подбираясь к лобку.

– Ты моя жена.

От горячего шёпота, который болью бьёт в темя, Катя подсакивает на кровати.

Некоторое время в панике оглядывается. Нет. Это её квартира, и никакого Стаса тут нет.

В комнате полумрак. Придя домой после работы, она зашторила окна, чтобы спрятаться от яркого дневного света. Вздохнув, Катя взглянула на часы. Поспала не больше сорока минут. Голова была тяжёлой, но сон не шёл. Да лучше бы и не шёл, если мозг продолжит и дальше подкидывать ей такие сюжеты.

Она пыталась отдохнуть после суматошной ночи и жутко-

го утра, в самом начале которого получила поцелуй от Лютного. Губы словно кислотой облили, так их жгло.

Всё её тело кричало от усталости, но даже привычный матрац показался чересчур жестким и неровным, от лежания на котором каждая мышца еще сильнее разболелась.

Раньше Катя никогда никаких сведений о Стасе не искала. Как только аттестат получила, постаралась вычеркнуть его из памяти. Даже на выпускной не пошла, переехала в другой город к родственникам. Вначале, просыпаясь по утрам, вздрагивала, что придётся идти в школу, а там Лютный со своими мерзкими прихвостнями. Но со временем тревога сошла на нет.

В медколледже всё складывалось относительно спокойно, за исключением сессии: к учебе она относилась серьезно и всегда нервничала на экзаменах. Там у неё впервые завязались отношения с парнем. Хотя их общение трудно было назвать отношениями. Они не целовались и даже за ручку не ходили. Иногда обедали в кафе и вместе делали рефераты, потом парень нашёл куда более стоворчивую подружку из другой группы и они поженились до выпуска.

Катя совсем забыла своё прошлое в суеде студенческих дней и общении с новыми друзьями. Но ничто не проходит так просто.

Она взяла ноутбук и на городском сайте открыла сводку происшествий. Там подробно описывалась авария, в которой погибла девушка. Звали её, кстати, действительно Катя,

и она была рыжей и веснушчатой. Говорилось, что за рулём автомобиля находился Станислав Сергеевич Лютный и он не справился с управлением, на высокой скорости Volkswagen Phaeton врезался в бетонную стену. В результате ДТП девушка скончалась на месте до приезда скорой, а водитель пытался её вытащить, но из-за полученных травм вскоре отключился.

Они действительно поженились в этот день. Отпраздновали с друзьями и отправились в загородный дом, подаренный отцом жениха.

Как сообщалось в сводке, в крови Лютного не было обнаружено ни алкоголя, ни наркотических средств, что позволяло предположить наличие технических неисправностей в машине. Транспортное средство отправили на экспертизу.

Катя вздохнула, закрыв ноутбук. Значит, Стас всё же видел мертвое тело жены. Неужели он может так любить, что его мозг не хочет воспринимать эту информацию?

Катя отрицательно покачала головой. Лютный точно не умеет любить. Скорее всего, там другое. Когда он удерживал её на коленях, она ощущала только его похоть, не больше. И поэтому ей приснился такой сон.

Она отрыла крышку и продолжила чтение, но дальше о происшествии ничего не говорилось. Была информация о том, что Стас недавно окончил престижный вуз и благодаря связям отца перед ним открывались радужные перспективы на будущее, но он решил связать себя узами брака после го-

ловокружительного романа в течение полугода.

Катя нахмурилась. В течение полугода? У Лютного точно крышу снесло. Возможно, невеста была беременна? Хотя Стас не похож на того, кого можно затащить под венец внезапным залетом. И его влиятельный отец этого точно не допустил бы.

И тут до Кати дошло: Стасу она не просто внешне напоминает погибшую супругу, он считает её своей законной женой, а это грозит ей серьезными неприятностями.

При первом удобном случае он завалил её и поцеловал, запросто может потребовать исполнения супружеского долга, а она при сложившихся обстоятельствах даже пощёчины дать ему не сможет.

Катя вскочила на ноги и заметалась по комнате, как только об этом подумала. Но потом отмахнулась. Они же будут видеться только в стенах больницы, а это не отель с номером для счастливых молодоженов.

Но тревога не утихала.

Катя промаялась весь день, даже из дома не выходила, но вымотанная бессонными сутками ночь спала крепко, без сновидений, и проснулась от пиликанья телефона.

Прочитав пришедшее сообщение, она не сразу поняла, о чем в нем говорится. Ей выражали благодарность за сотрудничество, и она решила, что это очередная реклама банка и ей предлагают ещё один кредит. Так оно и было, но в следу-

ющей эсэмэске говорилось, что её ипотека полностью погашена.

Катя в кабинете начальства ночью так и не поняла, говорил ли отец Лютного серьезно или нет. Разговор был больше похож на шантаж, и в случае ее отказа рычаги давления у главного прокурора нашлись бы. Посадить бы вряд ли посадил – она нужна была ему на свободе и рядом с сыном, – но жизнь испортить ей мог и волчий билет помочь получить тоже. Поэтому она не рассчитывала на нечто подобное. И не хотела этого. Погашение кредита походило на сделку, в результате которой у неё появлялись обязательства. С другой стороны, её бы всё равно заставили, и, как сказала бы Вика: «Получи бонус за свои страдания».

Но этим не ограничилось. Телефон в руках зазвенел и на экране высветилось имя заведующего отделением.

– Когда ты придёшь? – спросил Коротков, не здороваясь.

Катя взглянула на часы, миновало уже девять утра. И приходить на работу в свой выходной она не собиралась, тем более слушать приказы так называемого мужа.

– У меня дела на сегодня, и я...

– Катя, я уточняю, потому что один проблемный пациент, ты в курсе, о ком я, не даёт жить нашему отделению и, насколько мне известно, именно ты у нас бригада неотложной помощи для него. К тому же его отец велел тебя поторопить.

Катя стиснула зубы. Вот они – обязанности. Взяла деньги – выполняй.

Ну, ладно. Тут главное – настроиться. Не позволять себя трогать, говорить односложно и только то, что просил Григорий Павлович: напоминать и вынуждать сравнивать.

Сейчас в отделении полно народу, так как наступил понедельник, Стас вряд ли что-то выкинет.

Собралась Катя быстро. Надела джинсы и свитер, волосы собрала в хвост и слегка подкрутила растрепанную челку. Никакой косметики и духов – никому нравиться она не собиралась. Да и к тому же так она выглядела почти каждый день, исключая корпоративы.

К своей внешности Катя относилась спокойно. Не считала себя красивой, но страшненькой тоже. Имелись недостатки: например, рыжий цвет волос, но и достоинства присутствовали: кожа без изъянов и веснушек, хотя на солнце быстро обгорала, и Катя тогда выглядела, как вареный рак. С фигурой так же: не высокая, но и не низкая, грудь одно название, зато тонкая талия и плавный изгиб бедер. В общем, не стандарт, до идеала далеко, но Катю устраивало, а что до парней... Они всегда обращали внимание на её волосы и медовые глаза. Так что есть чем привлечь.

До больницы она добиралась долго. Специально пропустила две маршрутки, потом пошла через парк, встретила бывшую пациентку и немного поболтала с ней на лавочке. И только поднимаясь в лифте, ощутила всю тяжесть и неприятность происходящего.

Их терапевтическое отделение находилось на седьмом

этаже, выше только платная хирургия, так что пассажиры постепенно покинули кабинку и она осталась в ней одна. Двери медленно разъехались, и Катя чуть не вскрикнула, лицом к лицу столкнувшись со Стасом.

– А ты не торопилась, – с долей раздражения прокомментировал он.

Катя ничего сказать не успела, как он зашел внутрь, сгрёб её в объятия, протащил на весу и прижал к стенке, не разжимая рук. Её собственные лежали поверх, а ладони вцепились в широкие плечи.

Пульс участился, она чаще задышала.

Стас ударил по кнопкам, и лифт двинулся вниз.

– Тебе... нельзя уходить из больницы... – выдохнула Катя, не отрывая от Лютного глаз. – У тебя режим...

Он высокий, приходилось задирать голову.

Стас криво улыбнулся. Похоже, его ссадины ничем не обрабатывали, хотя, может, он и не дался.

– От больничной еды можно сдохнуть, – он лениво цокнул языком, будто вспоминая вкус щей из их пищеблока, – поэтому съездим, пообедаем в приличном месте.

– Но тебе нельзя...

– Кто такое сказал? – Стас изогнул брови. – Ваш главный разрешил мне делать все, что захочу.

Катя удивленно заморгала. Наверное, Лютный за прошедшие сутки всех так достал, что на него махнули рукой. Да и папа явно расстарался, чтобы сыну не перечили ни в чем.

Но это же получается, они выходят за пределы больницы?

Лифт остановился, створки с металлическим лязгом разъехались, и Стас потянул её за руку на выход.

Двигался он без каких-либо проблем. Не считая ран и мозгов, казался здоровым.

Кате с трудом удалось высвободить руку.

– Я никуда не пойду, – остановилась она, – и тебе советую немедленно вернуться в палату.

Стас улыбнулся, слегка сощурившись.

– Да ладно, кукла, не будь такой сварливой.

Как он её назвал? «Куклой»?

– Лютный, ты на лечении, – напомнила Катя возмущенно. – Помнишь, из-за чего ты здесь оказался?

Стас поморщился, нервно дёрнул головой, словно испытывал боль.

– Перебрал, наверное, у Жеки на дне рождения, ни черта не помню, как и что произошло. Но, похоже, дело было дрянь, – он посмотрел на свои руки.

Только сейчас Катя заметила на них бинты, которые больше походили на боксёрские ленты.

– Поэтому вернись в палату... тебе нужно лежать...

Они были на улице, в больничном парке. Стас вновь смёл её в свои объятия.

– Кукла, я бы с удовольствием полежал в палате, но только если ты полежишь со мной.

– Я... – у Кати даже дыхание перехватило.

– Но я уже по твоим глазам вижу, что ты мне скажешь «нет», поэтому давай сейчас пообедаем вместе, хочу немного растопить твой лёд.

– Растопить что?

В этот момент звякнул телефон Стаса.

– Такси ждёт, – весело сообщил он и потащил её по дорожкам парка к воротам больницы.

Катя потерялась. Не поняла даже, как оказалась в машине, прижатая к дверце. Всё шло не так, как она рассчитывала и планировала.

И вот они уже с Лютным мчались по главному проспекту города, а он сжимал своей рукой её ладонь.

Катя понимала, что режим больницы и наказание для Стаса пустой звук. К тому же, что ему могли сделать?

Стас внезапно коснулся пальцами её лица, Катя отпрянула, и его рука зависла в сантиметре от её щеки.

– Ты что такая пугливая, кукла? Отец что-то рассказал тебе? Поэтому меня избегаешь?

Катя сглотнула, в тесном салоне отодвинуться больше чем на пару сантиметров друг от друга было невозможно.

– Он лишь просил заботиться о твоём здоровье, и я считаю, мы должны верну...

Стас взял её за подбородок, поворачивая лицо к себе.

– Ты врешь мне.

Катя дёрнулась, но не вышло, он лишь усилил хватку.

– Когда ты стала такой строптивой? – Стас нахмурился,

и Катя застыла.

– Мне не нравятся твои действия.

– Тогда не доводи меня до края.

Почему-то Катя чувствовала себя загнанной в ловушку, а не любимой женщиной этого придурка.

Он отпустил ее подбородок, сжал руку в кулак и несильно ударил по пластиковой обшивке двери.

– Мой отец умеет быть жестким, – с чего-то предупредил Стас, – умеет выворачивать людей наизнанку, поэтому я напоминаю еще раз, что бы он ни сказал, не верь и не слушай его.

– А ты... – Катя осеклась, но вдруг само вырвалось, – ты тоже можешь быть таким же, унижать и топтать людей, это у вас семейное.

Стас вздохнул.

– Скажи, когда я с тобой так обращался?

Катя вновь отвернулась к окну. И правда, чего она? Он же в ней не её видит, и вообще, может, если бы понимал, кто перед ним, давно бы её лицо к соседнему креслу припечатал. Может, и радоваться стоит, что всё именно так.

– Давай вернёмся? – вновь попросила она.

Не хотелось оставаться с ним наедине.

– Не начинай, кукла, – страдальчески простонал Стас, – я хочу побыть только с тобой, и не трясись ты так, не съем... только покусая.

Прозвучало обещание как угроза, заставляя Катю съ-
житься.

Похоже, со Стасом ничего нельзя планировать.

Глава 5

Катя считала, что в ресторанах всегда действует дресс-код, но оказалось, спортивный костюм с логотипами «Гуччи» действовал как пропускной билет её унылым свитеру и джинсам. Хотя, вполне возможно, ее пропустили из-за отсутствия клиентов, в столь ранние часы в такие заведения на обед мало кто ходит. Официант, увидев их в дверях, тут же подсуетился, выбрав им и без того уединённое место, услужливо заверяя, если кто подойдёт, их не побеспокоят.

– Кость, мне как всегда, – не заглядывая в меню, сделал заказ Стас, – сегодня не хочу здорового питания, поэтому давай пожирнее и поострее.

– Будет сделано. А вашей спутнице? – улыбнулся светлоглазый Костя, глядя на Катю.

– Ты что, Костян, это же Катя.

Костя непонимающе улыбнулся.

– Воды, если можно, – выдавила из себя Катя, чувствуя себя не просто неловко, а не на своём месте.

Официант поспешно кивнул и удалился.

Стас облокотился на сиденье, склонив голову так знакомо, что у Кати мороз по коже прошёлся. Он порой в школе так на неё смотрел. Как специально вставал или напротив садился и смотрел, словно обдумывая, какую «игру» затеять. Обычно для Кати это ничем хорошим не заканчивалось, если она не

успевала убежать. А со временем она поняла, что бегать надо очень быстро.

– Кукла, ты какая-то не такая, – задумчиво произнёс Лютный.

– Потому что я не... не кукла.

Стас усмехнулся.

– Ты не брыкалась раньше, и то, что я называл тебя куклой, очень заводило нас обоих.

Катя судорожно вздохнула, отвернувшись к окну. Не хватало ей еще стать героиней сексуальных фантазий этого ненормального.

– Лютный, послушай...

– Дорогой, – перебил её Стас. – Дорогой муж звучит лучше, не находишь?

Катя стиснула зубы.

– Ты мне не муж, – процедила она, – и давай ты сам подумаешь почему.

Она хотела, чтобы всё закончилось прямо сейчас. Пускай Лютный очухается, возмутится и дожует свой обед в одиночестве.

Стас смотрел ещё пристальней, будто бы уже мысленно её на атомы разложил.

– Мы это уже обсуждали, Кать, – вдруг выдал он, – даже без штампа в паспорте ты моя жена, моя женщина, моя любимая. И мы узаконим наши отношения сразу после...

Он вдруг осекся, прижал пальцы к вискам и поморщился.

У Кати сердце ушло в пятки. Вот оно?

В этот момент принесли еду – нарезку и несколько тарелок с чем-то горячим и вкусно пахнущим. Катя и не предполагала, что закуска на деревянной доске может выглядеть произведением искусства: вяленое мясо и ветчину дополняли соленья, оливки, орехи, сыр с зеленью и даже свежие фрукты.

Официант подал Кате воду и поинтересовался, нужно ли ещё что-нибудь, но Стас отрицательно махнул рукой, словно отгоняя надоедливую муху.

– Так что? – спросила Катя не дыша. – После чего мы узаконим свои отношения?

Сейчас он должен вспомнить – осознать и принять это.

Лютный поднял на неё задумчивый взгляд.

– Да хоть сегодня.

– Что?

– Можем пойти в загс прямо сейчас.

Катя непонимающе заморгала и тряхнула головой. Нет, она, наверное, ослышалась. Какой, к черту, загс?

Стас широко улыбнулся.

– Я думаю, нам уже ничего не мешает сделать это.

– Мешает! – вскрикнула Катя так резко и громко, что сама вздрогнула. – Вначале ты должен поправиться.

Она сама не верила, что это говорит. В школе она мечтала, чтобы Лютный хоть на неделю заболел какой-нибудь простудой, но тот отличался отменным здоровьем и даже в

дождь на физкультуре бегал без майки. А сейчас она готова молиться о его здоровье.

– Я в норме, – криво улыбнулся Стас, – поверь мне, супружеский долг я вполне могу исполнить.

Катя побледнела.

– Справку вначале принеси.

Лютный засмеялся.

– Определенно, кукла, ты совсем другая, но мне это нравится.

Катя ненавидела бассейн, но это занятие являлось частью программы по физическому воспитанию в их школе. Если у неё будут пропуски, хороший балл в аттестат она вряд ли получит. А запороть всё из-за дурацкого бассейна было бы глупо.

Одна проблема, необходимо было быть в купальнике. Почти голой. Её бы это никак не смущало, если бы не Стас со своими прихвостнями, не упускающими ни единой возможности обратить на неё внимание.

Она накинула на плечи полотенце.

Все девчонки выходили из раздевалки под аплодисменты и восторженный свист. Катю же встретила гробовая тишина, она быстро промигнула между Светкой и Ольгой и села на край лавки.

Их учитель, Петр Семенович, что-то буркнул парням и громко дунул в свисток. Дальше было построение и оглаше-

ние нормативов. Для девочек достаточно было проплыть нужное расстояние, а вот для парней дистанцию требовалось преодолеть за определенное время.

Лютного с компанией на занятии не было, и Катю это обрадовало. Когда он отсутствовал, к ней обычно никто не лез, будто бы её не существовало.

Но длилась её радость недолго. Когда одноклассники приступили к сдаче нормативов, Стас вышел из душевой в одиночестве, без своих парней. Темные волосы были спрятаны под шапочкой, а узкие плавки выгодно подчеркивали достоинства фигуры.

Девчонки заохали, зашептались, Катя же тихо чертыхнулась. Нужно было дождаться, когда все сдадут, потом им вроде дадут время просто поплавать, а желающим сразу уйти переодеться, так что Катя решила тянуть до последнего, сев на лавку рядом с учителем.

Лютный то и дело поглядывал на неё, разминаясь. Словно ожидая, когда появится возможность что-нибудь сделать. Катя была как на иголках. Не хотелось светить своим задом перед ним.

Норматив Стас сдавал где-то в середине очереди. Естественно, уложился и даже превзошёл. Он, когда из воды вышел, как будто специально возле Кати прошёлся, обрызгивая её. Она поежилась, когда капли упали на кожу, и сразу замерзла.

– Синицына, на старт, ты одна осталась, – скомандовал учитель.

Тяжело вздохнув, Катя осторожно подошла к спуску. Нырять с разбегу, как делал это Лютный, она не умела, да и плавала как собачка, а не стилем баттерфляй.

Под пристальными взглядами одноклассников Катя напряглась, руки вмиг одеревенели, да и получилось так, что ступенька лестницы оказалась очень скользкой. Неправильно шагнув с края бассейна вниз, она не успела ухватиться за поручни и плюхнулась в воду. И растерялась: то ли паника взяла верх, когда над головой сомкнулась плотная вода, то ли потому что дно так и не ощутила.

Внезапно кто-то силой потянул её барахтающуюся наверх и прижал к колыхающемуся разделительному шнуру между дорожками.

Она закашлялась, наглотавшись хлорированной воды, дрожащими руками вцепившись в опору.

– Я ногами до дна достаю, – злобно прорычал Лютный ей в ухо, закрытое шапочкой. – Очухалась?

Он был так близко, что, казалось, Катя держалась на воде за счёт него.

Она толком и понять ничего не успела. Тернер обеспокоенно спрашивал о её состоянии, а потом Лютный потащил её обратно к лестнице и практически заталкивая на ступеньки, попутно облапывая за задницу и бёдра. Но она даже подумать об этом не могла, поскольку жутко «драло»

носоглотку.

– Ты же вроде говорила, что умеешь плавать, Синицына, – Петр Семенович больше всех испугался.

– Ум-м-мею, – выдохнула Катя.

Шумное дыхание Лютного буквально отдавалось в ней.

– Ладно, поставлю зачет за то, что пришла, но больше не смей лезть в воду.

– Я... я могу идти?

– Свободна, – выдохнул Петр Семенович.

Катя направилась в душевую, стараясь идти медленно и осторожно. От паники всё внутри продолжало гудеть.

– А ты куда, Лютный?

Она оглянулась и обнаружила, что Стас шёл за ней.

– Я... проверить. Беспокоюсь.

Катя нахмурилась.

– Знаю я твоё беспокойство, в душе ещё подглядывать будешь, быстро на дорожку и мячи раздай, сегодня отработаем кое-что.

– Петр Семенович, я...

– По местам!

Раздался громкий свисток, от которого Катя спряталась в душевой, закрыв двери.

Как-то слишком просто она отделалась.

Катя редко предавалась воспоминаниям. Но как оказалось, что о школе, кроме прессинга Лютного, ей и вспомнить

нечего, даже получение неудовлетворительных оценок для неё было непримечательным событием.

Стас без особого аппетита поковырлся в тарелке, а потом, как и обещал, поехал с ней обратно в больницу. При этом выглядел не слишком счастливым, но всю дорогу не отпускал её руки. Переплёл пальцы и молчал, глядя в окно. Расплачивался за всё сам, с помощью карты в телефоне. Кате даже стало любопытно, он сам зарабатывает или папаша закидывает ему туда деньги.

– Почему ты не говорила, что работаешь в больнице?

Странный вопрос, на который Катя даже не знала, как ответить.

«Наверное, потому что мы первый раз встретились после окончания школы»: хотелось сказать, но вместо этого она пожала плечами.

– Когда ты исчезала на сутки из моего поля зрения, я жутко ревновал, думал, ты мне изменяешь.

С этими словами Стас завел руку за её спину, обхватывая плечи и прижимая к себе.

Час от часу не легче.

– Изменяю?

Катя попыталась вырваться, но тут же прекратила сопротивляться. Она и забыла, что от этого он только заводится. Лютный грубо обхватил её подбородок, поворачивая к себе.

– Да, твоя близость с Киrom меня выводила, – Стас коснулся носом её щеки.

Катя сглотнула. Неужели он продолжает общаться с той компашкой и не расстался с ней? Впрочем, какая разница.

– Скажи, что тебе на работу завтра, иначе не отпущу.

Спрашивает он или угрожает, Катя не поняла. Хотя в последнем она была уверена больше.

– Завтра.

– С утра?

Катя кивнула.

– Надень то, что не жалко, не уверен, что смогу оставить что-то целое на тебе.

Глава 6

Катя была в ужасе. Она перебрала в уме все уважительные причины неявки на работу. Однако сидение дома не решало проблему, поскольку стены больницы Стаса удерживали слабо, и ситуация из плохой могла перерасти в катастрофическую.

Но если хорошо подумать, дежурство в будние дни в больнице мало напоминает отдых, не присядешь ни на минуту. В отделении постоянно находятся врачи и прочий персонал, а ещё приходят родственники и сами пациенты снуют по коридорам и донимают вопросами. Так что место нельзя назвать уединенным, и Стасу придётся утихомирить своё либидо.

Все тщательно взвесив, Катя решила, если что, она Лютного по башке уткой шарахнет, чтобы быстрее мозги в кучу собрал и отстал от неё.

Но решимость таяла с каждой минутой, пока она собиралась на работу.

"И как так получилось?" – сокрушалась Катя, когда чистила зубы.

Её жизнь всего пару дней назад была такой спокойной и размеренной, а теперь сплошная нервотрёпка.

"Но оно и понятно. Это же Лютный".

Видимо, в прошлой жизни Катя сильно насолила создате-

лям, поэтому в этой они издеваются над ней и в качестве кары послали ей Стаса.

На работу она шла как на плаху. Мало того что весь день предстоит провести на ногах, так ещё и ночью придётся бегать от Лютного. Ну и жизнь у неё началась.

Только, к удивлению, с "проклятием" она не столкнулась, выйдя из лифта. Катя быстро прошмыгнула в раздевалку.

– Пой и пляши, – задёргалась в дурацком танце успевшая переодеться Вика.

– Что? – недоверчиво спросила Катя.

– Твоего Лютного выписали вчера вечером.

У Кати сердце пустилось вскачь от волнения и радости:

– Правда? У него восстановилась память?

– Не знаю, что произошло, но девчонки в сестринской рассказали, что приходил главный, потом даже заведующий горздрава прикатил и нашего проблемного пациента выписали. Наверное, папаша куда-нибудь в Швейцарию для реабилитации отправит.

Вика продолжала щебетать, а Катя не верила своему счастью. Неужели жизнь возвращается в привычное русло? Катя решила, если это окажется правдой, в первый же свободный выходной отправится на встречу с тем айтишником, которого Вика ей сватала.

Пора о личной жизни подумать, чтобы никто ей предложение потом не делал, мол, побудь фальшивой невестой. Что

за глупость. Пора мужа и детей заводить, а не в дурдом с придурками играть.

И рабочий день пролетел буквально в мгновение ока. Катю ничего не раздражало: ни досадные мелочи, ни ругань врачей, ни недовольные пациенты, ни даже экстренные больные. Она всем улыбалась, и ей отвечали тем же.

Определенно, жизнь становится легче, когда избавляешься от гнетущего балласта. И Катя теперь в полной мере ощутила, как ценен каждый момент душевного спокойствия.

После ужина они с Викторией читали в журнале несвежие анекдоты, и если раньше Кате те казались несмешными, то в этот раз веселили прямо до слёз. И ночь выдалась такой спокойной, что удалось поспать.

При передаче смены все медсестры тоже вздохнули с облегчением, что Лютный их больше не будет донимать.

В общем, даже хмурая погода мая порадовала этим утром по-настоящему теплым солнцем. Катя в связи с этим настроила себе кучу планов. Но, кажется, слишком много и нереальных, потому что стоило выйти из дверей больницы, как её ждал сюрприз.

Стас. Прямо возле огромного черного джипа у крыльца, на территории, куда пускают только машины скорой помощи и Тойоту главного врача.

Катя так и застыла и чуть не осела на ступеньки, не веря своим глазам.

Лютный кутался в пальто и смотрел на неё исподлобья,

будто бы она в чем-то виновата. Он был такой же растрепанный, а хмурость и раны на лице придавали ему суровый вид.

– Что ты здесь делаешь? – тихо спросила Катя, когда Стас первый сделал пару шагов к ней.

Лютный склонил голову, всматриваясь в её лицо.

– Тебя не было дома, – обвиняюще заявил он.

Катя непонимающе заморгала. О чем он? Она была дома, она всегда дома... Он же не её имеет в виду.

– Дай свой телефон.

Приказной тон вывел из ступора:

– Я не обязана...

Но договорить Катя не успела. Лютный в тот же миг прижал её к себе и бесцеремонно выхватил телефон из кармана. Одной рукой он удерживал её, а второй быстро набирал цифры. Паролем Катя не пользовалась – раньше ей не от кого было прятаться.

– Сменила номер, – процедил Стас, сделав себе звонок с её мобильного.

Катя вывернулась, выхватила телефон, но в принципе это уже было неважно.

– Ты не имеешь права так поступать! – зачем-то рявкнула она, хотя эти слова всё равно ничего не значили.

– Садись и поехали.

Катя судорожно вдохнула, поправила выбившиеся волосы за ухо.

– Я никуда не поеду, я устала после суток, поэтому, будь

добр, скрась себе день сам.

Он вдруг схватил её за плечо, больно так, крепко, и потащил к машине.

– Что... что ты делаешь?

Катя охнула, но её практически закинули на высокое сиденье. Стас щёлкнул брелоком, и двери заблокировались.

Сердце бешено колотилось, но Катя уже знала, что тут ничем не поможешь, нужно только бежать.

Стас сел за руль, всё такой же хмурый и раздраженный.

Катя, сжавшись, не шевелилась.

– Пристегнись.

И она не стала его провоцировать, послушно защелкнув сбоку ремень безопасности.

– Куда мы едем?

– Домой.

– К-куда? – заикнулась она.

– Это разве у меня проблемы с памятью? – криво усмехнулся Лютный. – К нам домой.

Катя охнула, зажав рот рукой. Что он имеет в виду под "к нам"? Хотя, вероятно, то и имеет. У него с женой отношения явно были не "за ручку держались", а вечером каждый по своим квартирам не расходился. Они и жили вместе, и... И спали.

– Стас, это плохая идея... – выдавила она из себя, – у меня есть своя квартира, и я хочу домой.

– Хм, – Лютный то ли фыркнул, то ли улыбнулся, – под

своей квартирой ты подразумеваешь бывшую комнату в общежитии?

– Нет, свою квартиру-студию в новом доме.

Стас как-то странно на неё посмотрел.

– Ты ли это, кукла? Откуда у тебя жильё в новостройке?

Катя, не задумываясь, ответила:

– Заработала.

Лютный приоткрыл рот и рассмеялся, но зло и совсем не радостно.

– Ты у отца деньги взяла?

Катя не ответила. Не взяла, а ей их нагло всучили, но основной взнос был всё-таки именно её, так что...

– Черт, и какого лешего им всем надо? Какого хрена они лезут в нашу жизнь?!

Стас злился, и Кате стало страшно. Они тоже ехали на машине и... всё же может повториться.

Даже имя, даже...

– Успокойся, – попросила она.

– Я спокоен, – процедил Стас, посмотрев на неё, и Катя зажмурилась.

– Не отводи взгляд от дороги, пожалуйста.

Лютный сбавил скорость и чуточку расслабился, но напряжённая атмосфера не исчезла.

– Прости... – вдруг выдал он слово, о наличии которого в его лексиконе Катя и не подозревала, – меня бесит, что они лезут, куда не просят.

Катя не ответила. Да и что она могла сказать. Это в её жизнь Лютный залез без всякого стеснения, и куда? На место её парня. Просто прекрасно.

– Стас... давай расстанемся.

– Чего?

Катя поджала губы. Нет, ну а что ей оставалось делать? Не продолжать же участвовать в этом идиотизме. Из больницы Лютного выписали, консилиум светил во главе с высоким начальством из горздрава постановил, что он здоров, а если все-таки болен, пускай лечится, но она тут больше ни при чем. А самое главное, с ненавистными парнями нужно расставаться вовремя.

– Я хочу расстаться. Я тебя не люблю.

"И никогда не любила" – хотелось добавить, но Катя и так много сказала.

Стас притормозил у обочины. Смотрел вперёд, не отрывая рук от руля, и молчал.

– Я пойду.

Катя дёрнула ручку машины, но дверь была по-прежнему заблокирована.

– Чего тебе не хватает?

– Что?

– Я заваливаю тебя дорогими шмотками, дарю гаджеты, вожу за границу, кормлю деликатесами, трахаю исправно каждый день, но ты говоришь мне такие вещи... Что тебе еще нужно?

Стас повернулся к ней.

Катя сглотнула. Такие интимные подробности смущали.

– Мне неудобно с тобой, и я не хочу заставлять себя быть с человеком, которого не люблю.

Стас хохотнул.

– Это Кир, да? Ты была с ним?

Катя сдавленно охнула, когда Стас резко нагнулся к ней и крепко сжал подбородок.

– Нет, – взвизгнула Катя. – Я ни с кем не была!

Лютный шумно дышал. Он явно ей не верил, но вдруг отпустил.

– Ладно... хватит, поехали домой.

Катя всхлипнула, и Стас вдруг потянулся к ней то ли приласкать, то ли рассмотреть свои следы на её щеках, но она оттолкнула его руку.

– Извини, кукла, – тихо произнес он, – готов загладить свою вину любой твоей хотелкой.

Катя вытерла рукой предательские слёзы.

– Я хочу, чтобы ты меня в покое оставил.

Стас не ответил, завел двигатель и плавно вырулил на дорогу, и направился он точно не в её район – он явно ехал к своему дому, где раньше жил с погибшей невестой.

Глава 7

В том, что всё закончится для нее благополучно, Катя перестала надеяться, когда они въехали в элитном районе на закрытую охраняемую территорию и за ними опустился шлагбаум. Стас затащил ее в собственный лифт и через несколько мгновений вытолкнул из кабинки в огромный холл пентхауса на двадцать шестом этаже. И тот оказался по размерам больше всей её студии.

Лютный бросил ключи на тумбу.

– Проходи, – произнес он то ли просьбу, то ли приказ.

Катя сняла туфли, но дальше прошла в куртке и не выпустила из рук сумку.

– Раздеваться не будешь?

Катя отрицательно качнула головой, тогда Стас встал за её спиной, обхватил руками так, что она вся съёжилась. Потом ухватился за собачку замка и потянул вниз. Он так ловко избавил её от верхней одежды, что стало действительно страшно, как он собирается действовать дальше.

– Я не... не хочу, – пробормотала Катя, – не хочу, Стас.

Он прижался лбом к её затылку и тяжело вздохнул.

– Ведёшь себя так, будто я тебя насиловать собрался.

У Кати всё внутри заледенело. А чем еще им в его квартире заниматься?

– Разве нет?

– Я похож на того, кто принуждает?

Катя не знала, каким Лютный стал сейчас, но раньше он мог... Он всё мог. Возможно, интерес такого состоятельного и вполне привлекательного мужчины для кого-то значит очень много, но для Кати всё было иначе. От прикосновений Стаса её бросало в дрожь и явно не от удовольствия, от ощущения его дыхания на шее замирало сердце и не от предвкушения, а от страха. Стас Лютный для неё не был мужчиной мечты, а скорее тем, от кого действительно стоило держаться подальше. Плохие парни её не возбуждали и не тянуло к ним, наверное, потому что для неё не было в этом никакой романтики.

Её молчание затянулось, и Стас отступил.

– Давай что-нибудь закажем и поедим, а потом отдохнём.

Катя судорожно вздохнула.

– Стас, я не кукла, которую можно возле себя держать, – возразила она, не смотря ему в глаза, но отчетливо ощущала на себе его взгляд, – у меня есть свои дела и своя жизнь.

– А я, значит, в неё не вписываюсь?

Катя отрицательно качнула головой, отстранившись, когда ощутила, что Стас ухватился за её косу. Она обернулась, когда он озадаченно смотрел на кончики.

– Цвет выглядит натуральным.

– Он натуральный, – Катя забрала косу и откинула её себе обратно на спину.

– Я проверю, – хрипло заверил он.

Лютный как будто её не слышал, был на своей волне. В этот момент случилось то, что обычно в фильмах либо нагнетает атмосферу, либо разряжает обстановку и спасает её, – раздался телефонный звонок. Катя не сразу поняла, что пищит в её одежде, и стала так лихорадочно вытаскивать трубку, что чуть не порвала карман. В мыслях она уже решила, что даже если это рекламный спам, ответит и отреагирует как на нечто важное, а потом сбежит. Но стоило вытянуть телефон, как он оказался в ладони Стаса.

– Да? – грубо ответил Лютный, а Катя даже не успела посмотреть, кто звонит. – В смысле кто? Я муж Кати.

У Кати заныло в груди. В такое время ей обычно звонил только один человек.

– Мама?

Стас нахмурился, отвёл трубку от уха и посмотрел на экран. Там и правда светилось "мама".

– У тебя есть мама? – озадаченно спросил он, протягивая Кате трубку.

Она выхватила её и прижала к уху, отворачиваясь.

– Катя, что происходит? Ты где и что ещё за муж?

– Да так, ма... не принимай всерьез, это шутка...

– С утра пораньше? У тебя все нормально? Ты же с работы...

Катя ощущала, как Стас прислушивается, не отходит от неё, и это напрягало.

– Мам, я потом перезвоню, сейчас не могу говорить.

Она нажала на отбой раньше, чем мама успела возразить, и резко повернулась к наблюдающему за ней Лютному.

Похоже всё. У неё больше нет терпения чего-то там ждать.

– Стас, – начала Катя, набрав в лёгкие воздуха, – ты не помнишь аварию?

– Аварию? – он отвел взгляд к окну, потом снова на неё. – О чем ты?

Катя несколько раз вздохнула. Плевать, что там говорил доктор, плевать на Лютного-старшего. Деньги она заработает и долг ему до последней копейки вернет. Гораздо важнее собственное спокойствие и спокойствие мамы.

– Я... я не та Катя... я... мы в школе вместе учились. Я Сеницына Екатерина, помнишь?

Стас застыл, нахмурился, медленно облизал губы.

– Сеницына? – переспросил он недоверчиво.

– Д-да, я... понимаю, что всё это так странно, но, поверь, я тоже не испытываю никакой радости, – затараторила Катя. – Ты попал в аварию со своей девушкой... и...

Она замялась. Стоит ли ей сообщать ему о смерти любимой, да и слова эти никак не давались.

– В общем, я не твоя Катя и... не хочу играть эту роль, что ты мне навязываешь.

Повисло молчание, но Катя выдохнула с облегчением. Она сделала все правильно, и пускай потом никто не обвиняет её во лжи.

Лютный смотрел на неё долго и странно. Кадык дёрнул-

ся, когда он сглотнул, и то, что ничего не происходило, ещё больше нервировало.

Вдруг он схватил её за плечо и притянул к себе.

– Синицына, говоришь, – процедил он, и Катя буквально ощутила, как он зубами пережевывает её.

– Да, – пискнула она, – отпусти меня, мне больно.

Катя не врала, пальцы Лютного до темных отметин сжимали её плечо.

В этот момент Стаса повело. Он покачнулся, потеряв равновесие. От полного падения его удержала стена, за которую ему удалось ухватиться.

Первой мыслью у Кати было бежать, а второй – помочь. И они никак не вязались друг с другом.

У Стаса губы посинели, он склонил голову и начал задыхаться.

Катя дернулась к выходу, но застыла. А вдруг у него отек мозга или другое серьезное повреждение после аварии, которое проявилось только сейчас? Он помрёт, а её обвинят в его смерти?

От этих мыслей Катя паниковала ещё больше.

Она тихо чертыхнулась, хватая Лютного под руку.

– Присядь, или лучше ляг.

Катя буквально завалила его на диван.

– Я врача вызову, – она потянулась к телефону.

Стас смотрел на неё, а у самого желваки ходили на скулах. Мышцы шеи натянулись, он вдыхал воздух так, словно не

мог надыхаться. И молчал.

Молчал, когда приехала скорая. Молчал, даже когда приехал его отец и Григорий Павлович, раскрасневшийся и взмокший.

Когда Стаса осматривали, Катя ушла на кухню, в томительном ожидании кусая ногти. Она же всё правильно сделала?

Врач скорой сказал, что жизни пациента ничего не угрожает, только давление поднялось.

И она ни в чем не виновата?

Катя сама не понимала, как угодила в такую ситуацию.

– Катя, подойди, пожалуйста, – позвал Григорий Павлович.

И она на ватных ногах побрела в спальню, куда перенесли Стаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.